

ИЛЬЯ ЧУМАК.

МЕРТВАЯ ХВАТКА

«По волчьим следам» — так назвал свою новую книгу наш ставропольский писатель Илья Чумаков. Это документальное повествование о той когорте людей, которых у нас и сейчас называют «дзержинцами». О чекистах нашего края, об их славных и нелегких судьбах и поистине героической работе рассказывается в этой книге. Предоставляем вниманию читателей нашего альманаха одну из ее глав.

«...Приземлились в 9 часов 10 минут вечера этого же дня. Почти все сели на макушки столетних деревьев. Слава богу, все четверо невредимы. Теперь надо найти груз. Он был сброшен с самолета после нас. Главное — уцелела бы рация».

Вот так открыл свой дневник фашистский шпион-диверсант Зулаев. Тогда он и мысли не допускал, что этот дневник окажется в руках наших чекистов.

И очень скоро.

На второй день Зулаев написал в своем дневнике: «Груз нашли. Пропотели до черта. Болят ноги, плечи, болит все тело. Рация цела. Думаем сегодня же связаться с «Солнцем». О нашем десанте здесь и нюхом не чувят. Задание выполним — в том нет никакого сомнения».

Задание это было получено в немецкой шпионско-диверсионной школе, зашифрованной «Беш». И сам дьявол не знал, где находится эта зловещая школа — так все было погружено в хитрый мрак тайны. Не представляло тайны только одно: кого, из кого и для чего она готовила своих «питомцев».

Во всяком случае там не спрашивали у них кто ты такой. Изменникам своей родины таких вопросов не задают. Зулаев, однако, не причислял себя к этой категории людей. «Здравствуй, гордый Кавказ! — воскликнул он, когда сорвал с раскидистых ветвей бука свой парашют. — Твой сын после долгой разлуки с тобой опять обнимает твои седые вершины!» Так и записал он в своем

дневнике: «твой сын».

Чей он все-таки сын, узнали не скоро, но все же узнали. Был такой отпрыск у оголтелого белогвардейца бичераховца князя Мурата Зулая, бежавшего за границу от народной расплаты еще в 1920 году. Но в лямки парашюта он влез совсем не затем, чтобы снова встретиться с той землей, на которой родился, что вскормила его. На шее был автомат, а в рюкзаке и карманах — взрывчатка и гранаты.

Отстоять ему нужно было не Родину, а право на завещание покойного отца. Жизнь на чужбине оказалась совсем невеселой: чтобы иметь за душой копейку, требовалось работать. Кем угодно, даже мусорщиком и грузчиком. И это при таком богатом наследстве!

Он, видно, им тешился ежедневно. Тогда ему незачем было бы прихватывать с собой десятки фотографий. Со скрупулезной тщательностью чекисты их также пришили к зулаевскому делу. Белокаменная двухэтажная вилла в стиле замка легендарной царицы Тамары, несметные отары овец на буйно заросших альпийскими травами склонах гор, табуны лошадей и ковры, ковры, на персидских узорах которых золотеет и серебрится оружие знаменитой кубачинской чеканки.

Шакал спрыгнул с борта фашистского самолета на нашу землю, а не сын Кавказа.

— Товарищ Осокин, к вам человек.

— Кто?

— Не знаю, — ответила хозяйка колхозного дома приезжих. — Я не видела его

раньше. Подъехал ко двору на коне... В нашей станице, кажется, такой не живет.

«Странно,— подумал Осокин, по привычке рывком сбрасывая себя с постели. Если бы он потребовался в районном отделении, ему могли бы сообщить по телефону. К тому же — в такую рань».

Одеваясь, Осокин выглянул в окно. Нет, он тоже не встречал этого человека. Держа коня под уздцы, за плетнем стоял незнакомый ему рослый и плечистый старик. Вид его был строг и суров: брови нахмурены, глаза зажаты в прищур, заросший седой щетиной волевой подбородок вскинут, как у солдата в строю.

И совсем не трудно было понять, что приехал он издалека. Забрызганный по самый круп грязью, понурый конь то и дело норовил упереться своим боком в плетень: от страшной усталости он едва держался на ногах.

Учуть недоброе в этом визите,— что проще для лейтенанта государственной безопасности. Положено было пригласить гостя в квартиру, но уже через минуту Осокин сам был во дворе.

— Откуда?

— С кордона,— ответил старик, смахивая ладонью со своего исхлестанного глубокими морщинами лба грязный пот.— Объездчиком там служу. Кумаченко, Матвей Иванович.

Кумаченко? О да, Осокин о нем слышал. В последних оперативных донесениях эта фамилия упоминалась уже не раз. Дезертирам пробраться в горы по его лесным тропам редко удается. Почти все они, сколько их там ни появляется, доставлены туда, куда надо.

— Что случилось, Матвей Иванович?

— Вчера вечером парашюты над Туровой горой видел.

И гул самолета слышал.

Осокина словно обдало горячей волной. Неужто уже и сюда добираются фашистские диверсанты? И как все задумано хитро: опуститься там, где нет и живой души. В самой глубине гор. Угадай, в каком лесу, среди каких скал сейчас они скрылись! В этих местах и черт шею сломит.

И все же на поиски надо было отправляться немедленно.

Между тем Зулаев опять достает свой дневник. Много ему писать не положено, но он, видимо, рассчитывает свое имя оставить в истории. Придет, дескать, время, и он издаст

книгу.

«...Сегодня пришлось лазить по таким ущельям, горам и скалам, где еще не ступала нога человека. По этим местам лишь бродят одни дикие звери. Измучились до предела... На стоянку пришли промокшие до костей, но развести огонь не решились. Услышали, наконец, «Солнце». Приказывают пробираться дальше на северо-восток и как можно осторожнее. Зря тревожатся: нас никто не найдет. Мы люди тертые».

И дальше:

«Живем уже третий день и ничего не случилось. Поднятая перед рассветом боевая тревога оказалась совсем ненужной: стоящий на часах Туз... якобы услышал поблизости треск сучьев и шаги человека. Не нравится мне этот Туз... Наградили таким трусом и идиотом! Ведь мы прекрасно вооружены, нам не страшно встретиться с целой ротой. Дудки, чтоб захватили нас врасплох».

Лейтенант Осокин не стал дожидаться посланных из района на помощь ему оперативных работников — слишком дорого было время. Он знал, что диверсанты не задержатся на месте своей высадки: они заторопятся уйти от него как можно быстрее. И как можно подальше, чтобы замести следы.

Кого взять с собой, Осокин долго не раздумывал. Верных и смелых людей в станице было немало. Их имена сами пришли на память: Марусенко, Проваторов, Гончаров, Поликарпов, Букреев, Соколенко. Без всяких колебаний пошли бы с ним и многие другие, но не хватало оружия.

Сборы были недолги. Уже через час станица скрылась из виду. Она исчезла бы из глаз еще раньше, если бы вконец измученный конь Матвея Ивановича смог скакать в полный карьер.

А расстаться с этим стариком уже было нельзя. Ведь только, он один мог показать то место, где высадился вражеский десант. Склоны Туровой горы в сплошном дремучем лесу и без опытного проводника отыскать там нужные тропы почти невозможно.

Станицу покинули так быстро, что ее успели с ней попрощаться. Ни с ней самой, ни с родными, ни с близкими. А все пошли, может быть, на не менее опасное дело, чем во фронтовую разведку. Пошли на такой же геройский подвиг, как и те, кто ушел на фронт. День наступал теплый и яркий. Солнце только что встало над синей полосой отдаленного соснового леса и сейчас заливало еще не

просохшую от ночного дождя дорогу сплошным золотым блеском. Золотились и горы — их белоснежные восточные склоны невозможно было смотреть. Двуглавый Эльбрус вставал над хребтом, словно сверху донизу охваченный жарким пламенем.

Красота этого утра казалась неповторимой, но ничем не залюбовался лейтенант Осокин. Было не до того. В голову залетала дума за думой: а не прав ли был начальник райотдела Яценко, когда, вот уже третий раз, отказал ему в просьбе отправить на фронт? Не видел ли он дальше его? Война разгорелась не на жизнь, а на смерть, и где лейтенант госбезопасности Осокин будет нужнее — там ли, на фронте, или здесь, в затерянной где-то в кавказском предгорье станции — такое мог подсказать лишь дальнейший ход событий. А это уже подтверждалось: не оказался Осокина в станции Сторожевой, никто бы не знал, что коварный враг появился уже и здесь.

Прав был не только Яценко, но и жена, Аня. Считала, что Виктор поступает неразумно и опрометчиво. Убеждала:

— Ты, наверное, думаешь, что страшусь расстаться с тобой? Ошибаешься, Витя! Я просто угадываю, что есть люди и умнее, и дальновиднее тебя. Раз не отпускают на фронт, значит так надо...

Вот оно и пришло, это самое: так надо!

Пора бы дать лошадям передышку, однако Осокин все оттягивал ее и оттягивал. «Наткнемся на родник — загадывал он, — там и приостановимся на недолгое время», — но позади тех родников уже было не счесть, а ни у одного из них он так и не натянул поводьев. Как знать, какой ценой может им обойтись эта передышка? Не час, а всего лишь пятнадцать, потерянных минут — и уже нечего будет делать у Туровой горы. Фашистская разведка не пошлет сюда абы кого. Диверсанты обучены всему. Да и не может быть, чтобы среди них не оказалось такого, кто отлично знает не только здешние горы, но и все тайные тропы.

Лейтенант остановил взмыленного коня лишь тогда, когда его окликнул Матвей Иванович. Ехать дальше по этой дороге им незачем. Теперь она пойдет не туда, куда нужно. Нужно круто свернуть влево, в лес, на тропу. И уже не на лошадях, а пешком.

Только пешком!

— Невозможно или опасно? — спросил Осокин старика, готовый на все, на любой риск ради того, чтобы выиграть время.

Но Матвей Иванович ответил:

— В том-то и дело, что невозможно, товарищ начальник!

«В таких условиях вести дневник чертовски трудно,— пишет Зулаев дальше, старательно выводя число дня. — Проклятые мошки, которых здесь уйма, кусаются, как пчелы. Их можно отогнать от себя только костровым дымом. Из-за этих гнусных тварей я не мог уснуть всю ночь. Да они и днем не дают покоя. После их укусов лицо, шея и руки чешутся, как от чесотки.

А схитрили мы чудным образом. Правда, как не оставить после себя абсолютно никаких следов, нас учили еще в «Беше». Но мы и без майора К. это хорошо знали: нужен дождь. А он (просто как на счастье!) шел на нас почти черной стеной. По моей команде собрались на перебазировку в одну минуту. Теперь хоть и заметил кто, как мы приземлились, уже ни за что не узнает, в каком направлении мы ушли — все будет смыто водой. Даже запах.

Несмотря на усталость, настроение у всех бодрое. Клянусь богом, что скоро приступим к делу. «Солнце» в восторге».

Матвей Иванович сказал правду: по той тропе, на которую потребовалось свернуть с дороги, на лошадях и в самом деле проехать было невозможно. Она сразу круто пошла вверх, извиваясь и петляя меж замшелых стволов деревьев. Спотыкаться о вывернутые из земли горбатые и твердые, как железо, корни приходилось едва ли не на каждом шагу. И что ни шаг, то яр, то бурелом, то сползшая с гор могучая глыба камня. Просто не верилось, что эту тропу здесь проложил человек, сам Кумаченко.

Осокин знал о нем уже многое. Он тут и состарился, в этом горном лесу. Вся жизнь для того, чтобы неусыпно и зорко охранять народное добро. За все сорок лет службы с его кордона любители легкой наживы не сплавляли ни одного спиленного лесорубами бука. Не дал он им и подстрелить тут ни единой лани и ни единого тура.

Уж его ли можно было сейчас послушаться? Нет, такой человек подвести не мог! И если он их всех повел по этой тропе, то, видимо, хорошо знал, как и куда надо вести.

Тропе, однако, казалось, не будет конца. Все уже едва волочили ноги, а она вилась и вилась куда-то вверх, узкая, как

щель, и сумрачная, как нора. Не могло быть, что кто-либо втайне не начал жалеть, что так легко, без лишних раздумий согласился на этот рейд.

Так подумал Осокин, когда им пришлось переходить через бездонную расщелину в скале по скользкому неотесанному бревну. Он и сам на краю ее замер от страха. Сорваться вниз можно было с первого шага. И без всякой надежды остаться в живых.

— Имейте в виду, товарищи,— сказал он, оглядываясь назад, на своих людей,— принуждения нет! Кто чувствует, что перейти на ту сторону не сможет, вернитесь назад. За это вас не осудим.

Но подумать можно обо всем, только не всегда верно и точно. Прошла минута, другая, прошла и третья, а никто не произнес ни слова. Ни Марусенко, ни Проваторов, ни Гончаров, ни Поликарпов, ни Букреев, ни Соколенко. Сгрудясь за спиной Осокина, они стояли и ждали своей очереди к бревну. Обведя вопрошающим взглядом еще и еще раз их строго нахмуренные лица, лейтенант, наконец, понял, что он зря, совсем зря обратился к ним с таким предложением. Он явно обидел их. Жестоко обидел.

И они высказали эту обиду. Уже на той стороне пропасти. Когда присели у kloкочущего из-под скал ручья немного отдохнуть, Марусенко тронул Осокина за локоть и не без усмешки проговорил так, чтобы слышали все:

— К чему же тогда было нас кликать с собой? Нет, товарищ лейтенант, так дело не пойдет: коль верил там, верь нам и тут.

А Поликарпов, просто чудом на середине бревна сохранивший равновесие, хмуро закончил:

— Ведь не на прогулку пошли.

Зулаев считал, что он теперь на своей земле, на ней можно чувствовать себя вполне спокойно, и решил: а почему бы не записать в дневнике вот такое:

«Сегодня ночью, охраняя мирный сон друзей, я сам не заметил, как залюбовался рассветом. Как замечательно он наступает в здешних краях! Светло-голубой свет зари так густо стелется по горам и лесам, что иногда кажется, на тебя движется настоящее море. Звезды, одна за другой, постепенно гаснут и исчезают в просторе неба.

Похоже, под впечатлением этой сладкой минуты, я замечтался. Скорее бы пришла наша победа! Знаю, что она уже

недалеко, но скорее бы! Так хочется настоящей жизни! В Г. (Германию) не вернусь — ну ее к лешему,— осяду сразу в своем законном поместье. Семья доедет домой сама. А этих грабителей заставлю восстановить все, вплоть до византийской ограды. Уж я им покажу, как калечить судьбы ни в чем не повинных людей!».

Представить выражение лица Зулаева в эти минуты, пожалуй, совсем не трудно. Оно было полно ликующего счастья и злорадства. И догадываться не надо, что чудесное кавказское утро он отождествлял с утром собственной новой жизни...

А когда по радиации удалось связаться с «Солнцем», от радости почти одурел: разбудил своих «друзей» пинками только для того, чтобы сообщить им о взятии немецкими войсками города Батайска.

Долго-долго еще потом вел Матвей Иванович лейтенанта Осокина и его людей по своим привычным, хорошо изученным лесным тропам. Он замедлил шаг и остановился лишь тогда, когда, казалось, дальше идти было некуда: впереди за небольшой полянкой, усыпанной битым камнем, встала скала, а над ней еще скала, уже настолько крутая, что на ее вершину не смог бы забраться и тур.

— Ну, вот и пришли,— облегченно вздохнул проводник, впервые за весь путь доставая свой кисет.— Хорошо, что день ясный — разглядеть можно все. Вон, видите, засохший бук на ближнем склончике — это прошлым летом его молния опалила — видите, товарищ начальник? — указал он лейтенанту не рукой, а подбородком в сторону словно срезанной ножом скалы.— Над ней я и засек парашюты. Не то три, не то четыре. Точно не скажу, потому что уже темно было. А гул самолета стих там вон, за той горой — с нее уже море видно как на ладошке.

Осокин приложил бинокль к глазам. Да, для выброски своих диверсантов фашистская разведка нашла недурное местечко. Здесь не то, что на плоскости. На плоскости они сплошь и рядом садятся прямо на штыки или вилы, а здесь приземляйся совершенно спокойно — тур рога не подставит.

Бук, разбитый молнией, в окуляре бинокля казался в каких-нибудь ста шагах. Можно было отчетливо разглядеть каждую его голую ветку. На одной из нижних веток что-то белело. Неужели парашют? Если это

действительно он, то Осокин пришел сюда со своими людьми напрасно. Не убрав парашюты, диверсанты не станут задерживаться на месте своего приземления ни минуты. Тогда придется все начинать сызнова: немедленно вернуться на дорогу и там, разыскав лошадей, скакать дальше, дальше и дальше—на перехват троп, спускающихся со склонов Туровой горы. На эти отвесные скалы, которые стояли впереди, вражеским парашютистам взлезать незачем. У них не то намерение, не та цель.

— Что это парашют, я и без бинокля вижу, — сказал Матвей Иванович, когда Осокин высказал ему вслух свои предположения.— Но тут пороть горячку не следует. А может, они махнули к золотым приискам. Там ведь тоже есть дорога.

Довод был веским, не согласиться с ним было нельзя. Тогда какое принять решение? Разделиться на две группы? Пусть одна группа идет назад, а другая — к приискам? Но что могут сделать четверо, если им вдруг придется столкнуться с врагами лицом к лицу? Фашистские диверсанты не опустили с голыми руками: ясно, они вооружены до зубов. Чтобы схватить их, без боя не обойтись.

Лейтенант высказал вслух старику и эти мысли.

—Разделяться не надо,— посоветовал Матвей Иванович. - Не обнаружим их тут, пойдем по следам. По ним и разгадаем, куда они взяли курс.

И на этот раз Осокин готов был с ним согласиться, если бы не стоял в эту минуту по самые щиколотки в жидкой грязи. Здесь только что прошел проливной дождь, от его капель еще не отряхнулись ветки деревьев. Какие же могут теперь остаться следы? После такого дождя их не в силах будет найти даже ищейка.

— Поздно, Матвей Иванович, все смыто. Подчистую.

— Ну, это как сказать! — с явной обидой в голосе проворчал тот, кидая из-под своих дремучих бровей на Осокина насмешливо-упрекающий взгляд.— Это, товарищ начальник, скажи своей бабушке, а не мне.— И, наотмашь отбросив в дождевую лужу свою недокуренную самокрутку, добавил, как приказал:

— А ну-ка, пошли за мной!

«Дела наши складываются как нельзя лучше,— радуется Зулаев. — Сегодня к нам неожиданно присоединились пять человек.

Они скрываются здесь с начала войны. Ребята как на подбор, — все неистово озлоблены на Советскую власть. У одного из них еще в 1920 году за службу в карательном отряде большевики расстреляли четырех старших братьев. У другого отец был раскулачен, лишен голоса и сослан в Сибирь, у третьего отец — мулла. Четвертый сбежал в горы от суда за то, что прикончил председателя колхоза, а пятый, самый молодой, ждет удобного момента, чтобы, отомстить за свою жену, которая по наущению комсомолистов бежала от него в город в какую-то школу. Приняли их в свою группу безо всяких раздумий. Велел выдать им автоматы и по три ручных бомбы (видимо, гранаты).

Признаков, что мы обнаружены, никаких. Да до этого ли сейчас большевикам — они уже смазывают пятки».

Парашют фашистские диверсанты, оставили не без причины. Упав, на бук, он так запутался в сухих ветвях, что стащить его на землю, было нельзя. На это требовалось бы изрядное время. А оно им было дорого. Они спешили. Значит, на месте высадки искать их не было никакого смысла.

— Так зачем же тогда медлить, — сказал Осокин Матвею Ивановичу, когда тот сделал это определение.

— Э, погоди,— невозмутимо ответил Кумаченко. — Нужно узнать не только, куда они направились, но и где в данный момент находятся.

Осокин не понимал его. Пусть сам он оперативный работник еще молодой и недостаточно опытный, но он немало знает таких, которые на своем деле, как говорится, собаку съели. В подобных поисках эти товарищи были десятки раз, а вот не слышал от них о таком чудедействе. Почему диверсанты спешили уйти, разгадать не трудно. Здесь прошел дождь,— попробуй после него напасть на след! Определить все то, что пообещал Матвей Иванович, это, казалось, было непостижимо. «Уж не блажит ли старик,— с тревогой подумал он, искоса наблюдая, как тот, вернувшись из ближнего яра, неведомо зачем, начал разгребать пепел давно угасшего костра.— Не махнуть ли на него рукой?»

Он уж принял решение окликнуть своих людей и тотчас пошагать по той же тропе, по которой пришли сюда, как вдруг Матвей Иванович хлопнул ладонью себя по колену и, резко выпрямившись, проговорил:

— Догоним!

Сказано это было так твердо и уверенно,

8

с такой спокойной убедительностью, что Осокин невольно опять почувствовал его полную власть над собой.

— Куда же они направились?

— В сторону приисков, — ответил Матвей Иванович. — Туда, окаянные.

— Точно?

— Не спрашивай, товарищ начальник. Сумлевался бы, не говорил.

Зулаев:

«Сегодня к нам присоединились еще трое. В пункте «Б» обещают нам сбросить новую партию оружия.

Движемся очень осторожно, хотя я не вижу, чтобы нам грозила какая-либо опасность. Беспечности здесь хоть отбавляй. В одном месте нам нужно было выйти на шоссе с тем, чтобы перебраться на другую сторону одной горной реки. После часа ходьбы дошли до моста. Почти были уверены, что он хорошо охраняется. Но наши опасения оказались напрасными. Там стоял лишь грузовик с мешками муки. Когда мы подошли к этой машине, в ней мирно спали шофер и еще один парень в военной форме. А мы были подготовлены к любой неожиданности. Каждый знал свое место и обязанность. Я с М. должны были прикрыть огнем бросившихся вперед наших людей, а затем без лишних хлопот уничтожить весь караул. На последнее я был полон спокойной решимости, — пустил бы в ход не только автомат, но и свой финский нож».

Дальше, на новой странице:

«Сегодня перед рассветом опять этот идиот поднял тревогу: со страху ему послышались невдалеке чьи-то шаги. Уверяет, что в ближних кустах даже заметил фигуру вооруженного винтовкой человека. Что с ним делать — не знаю. С таким трусом не трудно дойти до беды...

Двое новых все время рассказывают про какого-то старика лесного объездчика из двенадцатого кордона. Даже начинают дрожать, когда вспоминают о нем. Будто он наделен бесовской силой. Только они двое и уцелели от него, да и то просто чудом. Всех выловил, кто бежал в горы от мобилизации в армию. Стреляли по нему сотни раз, но пуля его якобы не берет. Чудаки! Попался бы он

мне на прицел! Вообще же, этого объездчика надо запомнить. Чтобы потом поймать и повесить. При всем народе. Не знаю верить или не верить: один из приставших к нам уверяет, что он очень хорошо помнит моего отца. Вроде он, будучи еще мальчишкой, был у него егерем на охоте на диких кабанов. Главное, что все сходится. Помнит любовь отца к лошадям, к кубачинскому оружию, рассказал даже, как я в свои тринадцать лет на праздничных скачках сделал в седле на руках стойку. Глаза, правда, плутоватые, с какой-то хитринкой и красные, налитые кровью. Отчего знаю — за душой сидит несчетно погубленных душ. Бандит, каких поискать надо. Но сейчас мне нужны и такие..

Говорит, что нашего дома давным-давно нет. Сожжен он еще в двадцатом году. Молочная ферма колхоза сейчас на этом месте. Омрачаться, однако, совсем незачем: деньги светятся великие».

..Солнце уже было в зените, когда все время идущий впереди Матвей Иванович сделал знак остановиться. По тому, как он вдруг замедлил шаг, как настороженно и строго оглянулся назад, Осокин понял, что они у цели. Враг, наконец, был достигнут.

Похоже, именно в этот час Зулаев и записал в своем дневнике:

«Ну, теперь можно быть спокойным: от района высадки отошли уже на порядочное расстояние. Теперь нас не обнаружит сам черт. Настроение такое хорошее, что хочется, пуститься в пляску. Не устал бы, не почувствовал в ногах судорожный зуд, честное слово, не удержался бы! Что нет гармонии — неважно. Уз, оказалось, так хорошо поет, что можно обойтись и без нее. Пой, веселись, друзья, — вы это заслужили».

Приказав всем затаиться в густом березняке, Осокин и Матвей Иванович решили подойти к диверсантам если не вплотную, то как можно ближе. Надо было точно установить, сколько их, чем они вооружены, беспечны ли или в любую минуту готовы ко всякой неожиданности. План дальнейших действий оперативной группы можно было принять лишь после такой разведки.

Сперва шли, а потом были вынуждены лечь на животы и так, чтобы не треснула, не зашумела и не качнулась ни одна ветка, ни

один кустик травы, по-пластунски поползли дальше. Выпал час, когда диверсанты устроили привал. Вели они себя не слишком осторожно — разговаривали в полный голос, кто-то из них даже запел песню, но чуткие дозоры предусмотрительно были выставлены со всех четырех сторон. Руки их лежали на спусках автоматов и вглядывались они в окружающий лес с зоркостью беркутов.

Матвей Иванович утверждал, что их сброшено не более четырех человек. Но вот лишь в одном дозоре стоит четверо. А сколько же их там, скрытых от глаз листвой деревьев, если в своем разговоре то и дело перебивают друг друга.

Одиннадцать их, а не четверо.

Зулаев:

«Со вчерашнего дня неожиданно потеряли «Солнце». Сколько ни бьемся, установить с ним связь не удастся. Что за причина, никак не разгадаем. Как же мы теперь дадим знать, где и когда нам нужно сбросить добавочный груз? (Оружие и боеприпасы).

Еще пристал один. Но что-то я начинаю разочаровываться в этих людях. Какие-то они все... (далее замарано). Вчера двоих, казалось самых верных, послал вперед на разведку, а они, как только исчезли из наших глаз, забрались в кусты таволожника и завалились спать. Когда мой помощник П. нашел их и разбудил, начали так громко ругаться, что их ужасное сквернословие можно было слышать за полкилометра.

Да и эти двое, что примкнули к нам вчера, когда узнали, кто мы такие, переглянулись и хитро подморгнули друг другу. Что это означало, я не понял, но сердцем ясно почувствовал, что это не к добру. Называют себя абреками, а о горькой судьбе своей родины даже не вспоминают. Разговор между ними лишь один: как бы поплотней набить свой желудок. Вот скоты! Я уже начинаю подумывать: с кем мы связываемся? Нашим святым делом от них даже не пахнет. Поразбойничать бы, и только! Вчера вечером откуда-то притащили двух баранов (для шашлыка), а какой ценой могут обойтись нам эти бараны, они не подумали».

От горных лесных мошек Осокин и его люди страдали похлеще Зулаева. Зулаев курил и подлезал под дым костра, а они не могли позволить себе ни того, ни другого. Порой нельзя было отмахнуться от их густых

гнусных туч: такую тишину им требовалось сохранять. Чтобы не только не хрустнула под ногой сухая былинка, но и не шевельнулась возле тебя ни одна ветка дерева, не зашеле-стел, не встревожился ни один ее листик.

Но что эти мошки в сравнении с голодом? Шел третий день, когда у Осокина и его людей во рту не было, как говорят, и маковой росинки. На только что покинутом врагами очередном привале чекалки (горные шакалы) грызли обжаренные бараньи кости, а Осокин и его люди за все это время не сгрызли даже сухаря.

Но за врагами шли и шли.

Зулаев:

«Связь с «Солнцем» наконец-то установили, но передать ему что-либо нового не смогли. Побывавшие в ближнем ауле мои два абрека вернулись ни с чем: говорят, что встретились со многими, а на откровенный разговор вызвать не удалось ни одного человека. Больше того, не снабдил бы я их заранее нужными документами, им наверняка была бы крышка. Задержать их намеревались простые колхозники. Видно, уже не те здесь живут люди, каких я знал раньше и каких думал встретить.

Настроение портят эти же абреки. Зачем мы связались с ними? Пристали, как вижу, только потому, что с нами им не так опасно скрываться в этих лесах. Спи совершенно спокойно. А тут еще эта погода — что ни день, то она становится хуже и хуже. Холодный, как лед, дождь почти не перестает. От него нас не спасают даже плащпалатки. И просушиться нет возможности — от встречных поселений теперь нам нужно держаться как можно подальше.

Хорошо хоть эта паршивая овца Уз. перестал вносить панику. В ближайших кустах кто-то мерещится ему и сейчас, но ложной тревоги он уже не поднимает. Похоже, начал догадываться, какие о нем приходят мне в голову мысли...»

От дождя не спасали даже плащпалатки, а как на лейтенанте Осокине, так и на всех его товарищах были одни легкие гимнастерки. Днем в них, хотя давно промокших до нитки, еще можно как-то терпеть, но ночью, особенно перед рассветом, наступала истинная мука. Судорожная дрожь озноба билась в теле такая, что не попасть было зуб на зуб. Каким могучим и испытанным казался Матвей Иванович, а и он

порой весь начинал колотиться, как от тяжкого приступа лихорадки.

Старик страдал от голода и холода не меньше других. Это видел каждый и все-таки со своим сигналом медлил и медлил. Договорились, «что он даст его совиным криком три раза подряд. Ближе него подойти к диверсантам никто не имел права: нужный момент должен был определить он, только он!

Рысь и та не сумела бы преследовать свою жертву с такой хитрой осторожностью, с какой он продвигался вперед. Шаг лишь после того, как бесшумно отведенная в сторону ветка постепенно сольет с листьев на землю.

...Эта страница в дневнике Зулаева — последняя. Дальше ни строчки. Одни чистые листы, если не считать в конце тетради так и не разгаданных чекистами каких-то цифр, плюсов, минусов и массы закорючек.

То, что в его дневнике эта страница оказалась последней, отнюдь не значило, что фашистский диверсант решил прекратить попусту тратить на него время. Он думал достать его из планшета и завтра: на новой, чистой странице он уже старательно вывел число следующего дня. Только не пришлось ему дожить до этого дня!

Все произошло с молниеносной быстротой и все же такой дико ожесточенной схватки, которая вспыхнула на рассвете пятого дня неотступного преследования врага измученной голодом, холодом и страшной усталостью горсткой людей, вооруженных одними винтовками,— еще не знали эти места. Она сразу перешла врукопашную: штык на штык, приклад на приклад, нож на нож. Застигнутые врасплох, бандиты были сбиты с ног почти в считанные секунды — и фашистско-диверсионная группа в одиннадцать до зубов вооруженных подлецов перестала существовать, и сам их главарь Зулаев лежал навзничь, глотая собственную кровь. Он, наверное, так и не понял, что вдруг произошло, испустил дух еще до того, как сумел это сообразить.

Остался бы жив лейтенант госбезопасности Виктор Осокин до наших дней, возможно, он рассказал бы нам о ней во всех подробностях. Но в то тревожное время, когда у чекистов на строгий учет был взят каждый час, он только и смог сделать вот такое сообщение: «Обнаруженная в районе Туровой горы группа фашистских диверсантов уничтожена полностью».

Только и смог.